

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 3, 1977, май — июнь

В номере:

1917—1977

В. Н. Сергеев. Культура речи и словари-справочники советской эпохи	3
Е. А. Левашов. Пушкин и академические толковые словари	12

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ ОБ А. С. ПУШКИНЕ

«И назовет меня всяк сущий в нем язык...»	21
---	----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. К. Гей. Гармония пушкинского стиля	27
Е. П. Ходакова. Словесная игра у Пушкина	33
Л. А. Гладышева. «...Печаль моя светла...»	39
И. Б. Голуб. Образное слово Пушкина	43
Ю. Г. Русакова. Заметки о языке романа «Евгений Онегин»	50
М. А. Галманова. Новые материалы о Пушкине	56
А. Н. Кожин. Слово поэта — боевое оружие	61

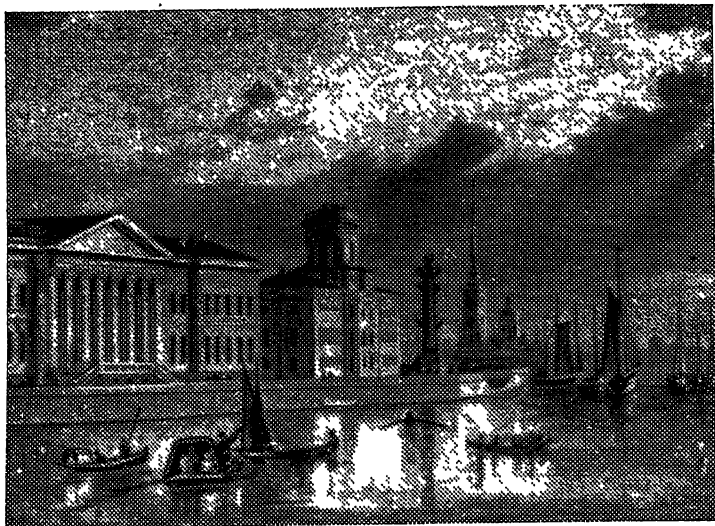
СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

А. Д. Блинов. Рабочий-герой: каков его язык?	68
--	----

Интервью с главным режиссером Московского театра Сатиры В. Н. Плучеком	78
--	----

КУЛЬТУРА РЕЧИ. ГРАММАТИКА

Р. И. Аванесов. О произношении отчеств с именами	82
М. А. Бакина. «...Обеспечить, что означает: печи поломать»	90
А. Я. Опришко. О новых наименованиях «старых» явлений	95

Петербург. Академия наук. Архитектор Дж. Кваренги

ПУШКИН и академические толковые словари

Создание полного толкового словаря литературного языка всегда и повсюду рассматривалось как выражение духовных потребностей общества, как одно из высших достижений национальной культуры (по определению академика И. И. Срезневского, «словарь языка есть первая книга народа»). Для выполнения этой задачи создавались и создаются специальные рабочие органы (академии, институты, центры и т. п.).

В 1783 году в России была образована академия, которая «главнейшим себе поставила долгом сочинение словаря, или изъяснения слов, речений, речей и разного образа вещаний, в языке славенороссийском употребительных» (потому что «без полного собрания слов и речей и не определяя точного им знаменования, не можно ни утвердительно сказать, в чем состоит обилие, красота, важность и сила языка, ниже пользоваться

оними»). В короткий срок — за шесть «приуготовительных» и шесть издательских лет — Академия Российская подготовила и выпустила словарь, состоящий из шести томов и содержащий 47 тысяч слов. Его научное, культурное и престижное значение было высоко оценено в России и Европе. Это был первый словарь русского литературного языка — языка, каким он представлялся создателям словаря, опиравшимся на ломоносовскую теорию трех стилей.

* * *

Первое издание академического словаря было закончено за пять лет до рождения Пушкина; второе издание (1806—1822) протекало стчасти на глазах молодого поэта; к третьему изданию, подготовка к которому началась через пять лет после завершения предыдущего, Пушкин имел отношение как член Академии Российской. Поэт и прозаик, реформатор литературного языка, знаток европейских языков и словарей, человек выдающейся филологической образованности, Пушкин не мог не высказать — и высказал — свое отношение ко всем трем тогдашним изданиям русского академического словаря.

В 1818 году Пушкин слушал речь писателя и историка Н. М. Карамзина по случаю его избрания в Академию Российскую. Обращаясь к начальным годам деятельности Академии, Карамзин говорил: «Академия Российская озгаменовала само начало бытия своего творением, важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностью, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев...». Позднее Пушкин *дважды* цитировал эти строки (в комментарии к 1-й главе «Евгения Онегина», 1825, и в статье «Российская Академия», 1836), разделяя мнение Карамзина на значение и роль первого нашего толкового словаря среди других явлений русской культуры.

Свое отношение к словарю Пушкин выразил не только в плане его общей оценки, но и в связи с проблемой взаимодействия русской лексики с иноязычными заимствованиями, которая обострилась в период борьбы за создание демократического литературного языка.

В 1803 году А. С. Шишков, будущий президент Академии Российской, писал в своем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка», хорошо знакомом Пушкину: «Главная причина, к какой многие нынешние писатели относят необходимость рабственного подражания их французам, состоит в том, что они,

читая французские книги, находят иногда в них такие слова, которые, по их мнению, на нашем языке нет равносильных или соответствующих» (из этого верного наблюдения Шишков делал неверный и нелогичный вывод: «Что ж до того? Неужели без знания французского языка не позволено быть красноречивым? Мало ли в нашем языке таких названий, которых французы точно выразить не могут?»). Еще раньше, приступая к подготовке словаря, Академия постановила исключить из него «все иностранные слова, введенные [в употребление] без нужды и которым равносильные славянские или российские находятся».

Пушкина не могла удовлетворить подобная однобоко-прямолинейная, не принимающая во внимание живые языковые факты позиция Академии. Свой взгляд на заимствованные слова, на их место в языке он, полемизируя с Шишковым и Академией, проявил (поскольку это вообще возможно проявить в поэтическом произведении) в известной XXVI-й строфе первой главы «Евгения Онегина»:

...панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет,
А вижу я, винюсь пред вамп,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.

Действительно, «всех этих слов» в первом русском академическом словаре нет: они не были допущены туда несмотря на то, что употреблялись в речи образованных людей и даже успели попасть в словарь иноязычных заимствований Н. Яновского («Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Содержит: разные в российском языке иностранные речения...». Т. 1—3, 1803—1806). Пушкин сожалеет, что их «на русском нет», но, с другой стороны, со вздохом признает, что он слишком много употребляет иноплеменных заимствований, хотя и старался — в поисках равноценных слов — руководствоваться словарем Академии. Тем самым он в принципе оставляет за академическим словарем право на нормализаторско-сдерживающую роль. Более того, он ее подчеркивает в прозаическом комментарии к той же строфе (в издании 1825 года): «Нельзя не пожалеть, что наши писатели слишком редко справляются со словарем Российской Академии. Он останется вечным памятником... просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного».

Таково мнение Пушкина, обращенное к читателю. Иным — почти противоположным — оно предстает в черновых вариантах концовки строфы:

- а) но мне царь
 Академический словарь
- б) Законом в) Бывал поэту встарь
- г) А мой торжественный словарь
 Мне не закон, как
- д) Академический словарь
 Мне не закон, как было встарь.

Мы видим, как меняется мысль Пушкина: прежнее безоговорочное следование словарю (*царь*) сменяется освобождением от его стесняющих пут (*не закон*). Пушкин — решительно в комментарии и косвенно в строфе — поддерживает перед читателем авторитет словаря, но его самого словарь уже не удовлетворяет. У поэта к словарю отношение двойственное: с точки зрения исторической, он видит в нем достойный памятник предшествующей эпохи, не потерявший для многих своего направляюще-нормативного характера; подходя же к нему с меркой современных (своих) потребностей, он не находит его отвечающим назревшим задачам (при дальнейших перепечатках 1-й главы Пушкин даже отказывается от комментария к XXVI-й строфе).

* * *

Не явилось шагом вперед и второе издание словаря (1806—1822): его главное отличие состояло не столько в некотором пополнении словника пропущенными и новыми словами (например, *фрак*), сколько в алфавитном расположении слов. К нему вполне относится мнение Шишкова о первом издании, высказанное в «Рассуждении»: «Академический словарь наш хотя и недавно сочинен, однако после того уже такое множество новых слов сделано, что он становится обветшалого книгою, не содержащею в себе нового языка». Второе издание словаря не соответствовало прогрессирующему развитию литературного языка, и почти сразу же встал вопрос о третьем издании.

* * *

В январе 1833 года Пушкин был избран членом Академии Российской и, таким образом, получил, казалось бы, прямой доступ к подготовке нового словаря.

Академический словарь составлялся индивидуально-коллективным способом: кто-либо из академиков (как правило, непременно

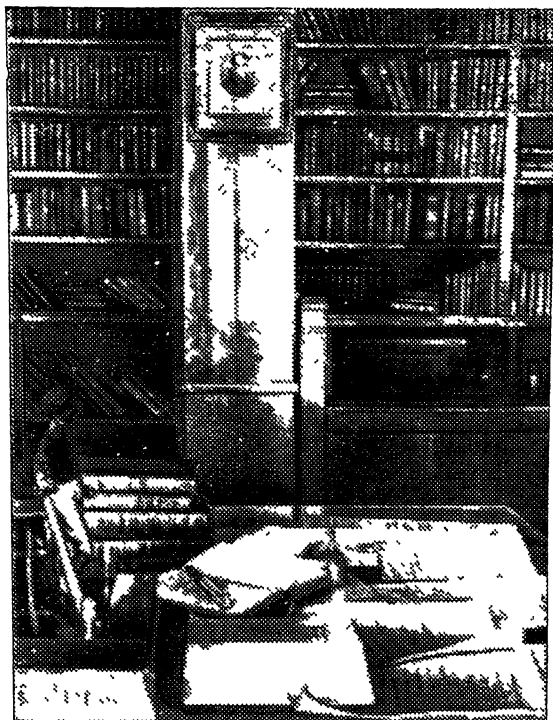
ный секретарь П. И. Соколов) приготавливая очередную часть словаря (в несколько десятков слов) для обсуждения, а собравшиеся на заседание академики высказывали свое мнение о словах и оборотах речи, их определениях, оправдательных примерах и т. д.; в сложных и спорных случаях к словарным статьям возвращались неоднократно.

Вот протокол одного из таких заседаний (от 4 февраля 1833 года), на котором присутствовал новый академик Пушкин: «Прочитано по слово *бўтор*. Член Академии г[осподин] действительный статский советник Иван Иванович Мартынов сообщил следующие слова: *бряк* (то есть звук, от бряканья происходящий), *бессовестность*, *бродиться* (идти вброд), *безупречно* (без упрёка, не подвергаясь упрёку. *Я был любим нежно, страстно и безупречно*), *безотвязно*, *благим матом* (*визжать благим матом*). Определено: слова сии поместить в словаре, Академиею издаваемом».

Судя по подписям под протоколами, Пушкин посетил заседания Академии в 1833—1834 годах восемь раз (из писем Пушкина видно, что он бывал в Академии и сверх того). В его присутствии были рассмотрены части словаря на слова: *бумазая* — *бурка*, *буркало* — *бутор*, *бушмет* — *бегалище*, *бегание* — *бежание*, *валиться* — *ванна* — итого, около трехсот словарных статей, что позволило ему приобрести практические навыки в технике составления словаря. Протоколы заседаний, к сожалению, не проясняют, какое участие принимал Пушкин в обсуждении словарных дел. По-видимому, почти никакого. Нельзя сказать, чтобы он был совершенно пассивен: известно, что он настаивал перед Академией на издании болгарской грамматики Ю. Венелина и сочинений поэта и переводчика А. С. Шишкова, но словарных занятий сторонился. Современники свидетельствуют о его негативном отношении к тогдашней словарной деятельности Академии. Еще в 1816 году Пушкин, имея в виду языковое ретроградство академиков, трудившихся над вторым изданием словаря, писал:

Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна.

Тот же мотив дремлющей Академии находим и через двадцать лет. В 1833 году со слов Пушкина А. М. Языков писал в частном письме: «Мы от него первые узнали, что он и Катенин избраны членами Российской Академии и что последний производит там большой шум, оживляя сим сонных толмачей, иереев и моряков». (Два пояснения. Первое: среди тогдашних академиков было немало людей, любительски занимавшихся переводами — «толмачей», и церковников; президент Академии А. С. Шишков был

Кабинет
А. С. Пушкина
Петербург,
Набережная
Мойки, 12

вице-адмиралом. Второе: Жуковский писал тогда же о причине шума: «Он [Катенин] там начал сильную тревогу. Первый спор зашел о слове *бурко*. Катенин требовал, чтобы писали *бурка*... Вы можете себе представить, как это забавляет Пушкина, который также член Российской Академии») (Русский архив. 1875, кн. II). Причина пассивного (судя по протоколам Академии) и иронического (по свидетельству современников) отношения Пушкина к протекавшей у него на глазах словарной деятельности Академии известна: и сама Академия, и составление словаря находились в руках людей, тяготивших к языковой старине, не сочувствовавших новому, нарождавшемуся литературному языку.

В 1836 году Пушкин отмечал: «Ныне Академия приготовляет третье издание своего Словаря, коего распространение час от часу становится необходимее. Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению» (А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. VII, 1949). Нетрудно заметить у Пушкина — перед лицом читателя —

совпадение в оценках старого и нового словарей: словарь — необходимый страж языка, роль которого, однако, руководители Академии и Пушкин понимали по-разному: первые охраняли язык от слов, не соответствовавших академическим нормативным канонам, второй — от слов, чуждых живому словоупотреблению.

* * *

Период пребывания Пушкина в Академии пал на неблагоприятный период ее деятельности: составление словаря шло и в отношении принципов, и практически по правилам почти полувековой давности. Лишь после реформы Академии в 1841 году и в результате полемики принципы и техника составления словаря были отчасти пересмотрены. Работа пошла ускоренным темпом: в 1847 году все четыре тома словаря вышли в свет. По словнику (114 тысяч слов) он в два с лишним раза превзошел своего предшественника. Но самое главное: сохранив церковнославянскую лексику, он не отверг литературный язык, сложившийся в 30-е — 40-е годы (проза Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др.). И еще одна существенная перемена: в отличие от предыдущих изданий, этот словарь содержал много примеров из художественной литературы своего времени, и произведения Пушкина оказались *первыми* по количеству приведенных цитат (по-видимому, было использовано посмертное собрание сочинений, выпущенное Жуковским в 1838 — 1841 годах). Таким образом, сразу же после гибели Пушкина его произведения стали одной из основных опор той базы, на которой построен словарь.

Приведем (в сокращенном виде) записку А. С. Пушкина П. А. Вяземскому (октябрь — ноябрь 1835 года), относящуюся к периоду членства Пушкина в Академии.

Араб (женского р. не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. *Караван* был разграблен степными арабами.

Арап, ж. *арапка*, так обыкновенно называют негров или мулатов. *Дворцовые арапы*, негры, служащие во дворце. *Он выезжает с тремя нарядными арапами.*

Записка интересна в двояком отношении. Во-первых, она образец пушкинского словарного творчества. В двух словарных статьях (на слова *араб* и *арап*) даны основные элементы обычного толкового словаря: заголовочное слово, его определение (объяснительное и через синонимы), оттеночное употребление слова (*дворцовые арапы*) и оправдательные примеры. Словарные статьи сделаны в соответствии с эталонами словарной работы, наблюдав-

шейся Пушкиным на заседаниях Академии. Но есть в них и отличие: указание на неупотребительность в языке женской формы к слову *араб*. Это значит, что Пушкин внес в словарную статью элемент живой нормативности, что было ново для тогдашней словарной практики. Во-вторых, пушкинские словарные статьи замечательны тем, что первый же после опубликования записки (1874) академический словарь русского языка (1892) принял их в качестве почти готовых словарных разработок (слова *араб*, *аравия*, *тянин*, *арап*).

Пушкинская записка Вяземскому имеет знаменательное окончание: «А право, не худо бы взяться за Лексикон, или хоть за критику лексиконов». Здесь — и справедливое недовольство существующими словарями, и понимание их роли, и желание сделать толковый словарь по-настоящему, без оглядки на Академию. Остаётся сожалеть, что обстоятельства не позволили Пушкину выполнить свое желание: ни дать критику словарей, ни создать (хотя бы начать) свой словарь. Впрочем, в известном смысле пушкинские словарные статьи есть зародыш того и другого: они критичны по отношению к тогдашним словарям, которые смешивали понятия *араб* и *арап* (на уяснение истины, видимо, и направлены усилия Пушкина), и они же — образец для словаря.

Пушкин был подготовлен к самостоятельному словарному творчеству, потому что был одним из лучших знатоков русской речи, потому что отчетливее других представлял себе тот путь, по которому должно идти развитие литературного языка, потому что по таланту и долгу писателя тонко разбирался в значениях и употреблениях слов, наконец, потому, что всю жизнь соприкасался со словарями (в его библиотеке насчитывалось около сорока филологических и энциклопедических словарей).

* * *

Пушкин оставил немало количество суждений о словах и выражениях, их значении и употреблении (в том числе применительно к французскому языку). Два примера из многих: «*Междуусобный* значит *mutuel*, но не включает в себе идеи брани, спора»; «*Сам съешь*. Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтливое, но столь же затейливое выражение: обратите это на себя» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XI, 1949). Эти образцы семантического раскрытия слов и выражений свидетельствуют о лексикографических возможностях Пушкина.

Известно, что в своем стремлении постичь народную речь Пушкин записывал (и затем мастерски использовал) песни, сказ-

ки, пословицы, слова. Одним из первых (в 1830-м году) он заявил: «Разговорный язык простого народа... достоин также глубочайших исследований» (Опровержение на критики. — Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VII, 1958).

Неудивительно, что Пушкин заинтересовался деятельностью В. И. Даля по собиранию диалектных и просторечных слов и одобрил ее. Позднее после разговора с Далем и с его слов пушкинист П. И. Бартевев записал: «За словарь свой Даль принялся по настоянию Пушкина» (еще одна неоценимая заслуга Пушкина перед русской лексикографией). Так или иначе, но еще в начальный период собирания Далем его лексических богатств, Пушкин не только ободрил начинающего лексикографа, но и сумел заглянуть вперед: «в сборе запасов из живого языка, не из книг» (Даль) он увидел основу будущего знаменитого четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка».

Пушкину не пришлось заняться составлением русского словаря специально. Но он не остался в стороне от лексикографических забот своего времени, более того — стоял на пороге словарной деятельности. Он и пользовался лучшими тогдашними словарями, и понимал необходимость хороших толковых словарей, и критически относился к существующим, и сожалел о невозможности практически заняться составлением лексикона.

В 1920 м году В. И. Ленин писал Луначарскому: «Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь и классиками*, от Пушкина до Горького» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 51, с. 122). В ленинских словах подчеркнута мысль о Пушкине как родоначальнике современного литературного языка. С этой позиции и следует прежде всего оценить роль Пушкина в русской лексикографии. В узко практическом же плане лексикографическая роль стихотворных и прозаических произведений Пушкина двояка: они — сокровищница лексики определенного периода в истории литературного языка, они же — источник образцового словоупотребления, то есть оправдательных примеров. Недаром Гоголь писал о Пушкине: «В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка». Всем своим творчеством Пушкин оказал заметное влияние на русское словарное дело.

Е. А. ЛЕВАШОВ